

Т. Гамину

Направлено заведущему Соснов-
ского, которое он подаст на
име или после ареста
составки с Бухарин

Шоу

21/11-362

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР-

тов. Н.И. ЕЖОВУ.

Л.С. СОСНОВСКОГО.

В дополнение к сказанному мною 7-декабря с.г. в Центральном Комитете на очной ставке с Н.И. БУХАРИНЫМ, я решительно подтверждаю свои показания на следствии. Попытки БУХАРИНА отделаться огульным отрицанием всего, что мною сказано о нашей с ним связи по к.-р. блоку, вынуждают меня настоятельно просить Вас предоставить мне возможность изобличить БУХАРИНА до конца. Для этого необходимо продолжить очную ставку с тем, чтобы ни недостаток времени, ни другие внешние обстоятельства не препятствовали полному и всестороннему выяснению правды о нашей с БУХАРИНЫМ связи по к.-р. организации.

Вступление БУХАРИНА на путь сплошного заpiresательства для меня является не совсем неожиданным. Я уже говорил на следствии, что БУХАРИН в последние наши с ним встречи проявлял большую нервозность и тревогу.

Так, весной 1936г., когда я застал БУХАРИНА под свежим впечатлением полученных им сведений об арестах среди его кадров (правых), размещенных им в аппарате Академии Наук (институт Истории Техники) в Ленинграде, БУХАРИН в волнении говорил мне, что нужна дьявольская осторожность, что теперь никому нельзя верить, всюду можно нарваться на "сталинского агента" и под конец беседы полу-

- 2 -

шутя сказал мне: "Имей в виду, что " в случае чего" и я отопрусь от всего: знать не знаю,ведать не ведаю". Об этом я уже говорил на следствии еще до очной ставки.

Но все же поведение БУХАРИНА на очной ставке превзошло все мои предположения и ожидания. Расчет БУХАРИНА на безнаказанность, на легкую возможность одним только огульным отрицанием отвертеться от ответственности просто поражает. Очевидно, БУХАРИН полагает, что члены подпольной к.-р. организации могут быть уличены в том случае, если для подтверждения каждого к.-р. конспиративного разговора между "подпольщиками" им будет пред'явлена следственными органами стенограмма разговора (да еще, пожалуй, заверенная самим БУХАРИНЫМ, иначе он скажет, что стенограмма не точна).

Было время, когда велись стенограммы наших выступлений, собирались подписи под к.-р. документами, открыто по почте велась переписка между Троцким и его единомышленниками. Сейчас борьба ушла глубоко в подполье, приняла более скрытые формы и потому документальных или свидетельских подтверждений разговора между двумя "подпольщиками" искать мудрено. На это и рассчитывает БУХАРИН.

Но ведь мое показание и есть свидетельское показание. Если из двух собеседников один излагает содержание разговора, то другой не может отделаться только формальным отрицанием, БУХАРИН пытался на очной ставке об'яснить мои показания о нем, как "оговор".

Не мне вам говорить, что версия об "оговорах" в данной обстановке сама по себе разоблачает БУХАРИНА. Это ТРОЦКИЙ и К° (2-й Интернационал, Гитлеровская пресса) изображают судебно-следственные процессы на троцкистскими террористами, как "оговор" и ин-

сценировку. В устах БУХАРИНА версия об "оговорах" весьма определенно звучит. Неужели БУХАРИН думает убедить кого-нибудь в СССР, что в нашей стране достаточно "обиженному" человеку (допустим, СОСНОВСКОМУ) закричать: "Слово и дело государево", как весь государственный и партийный аппарат, вплоть до Политбюро, втянется в разбор дикого, ничем не обоснованного голословного "оговора"? Странно изображает БУХАРИН советское правосудие!

БУХАРИНУ предложено было (на очной ставке) привести объяснения, откуда мог бы возникнуть у меня "оговор": порожден ли он нашими дурными отношениями или БУХАРИН может доказать, что мне вообще свойственны такие приемы, как "оговор" невинного человека в чудовищных преступлениях?

То, что БУХАРИН по этому поводу говорил на очной ставке, настолько мизерно-лживо, что мне понадобится в конце этого заявления немного строк для опровержения жалких попыток БУХАРИНА вывернуться, ускользнуть за версией "оговора". Мало того, лживость уверток БУХАРИНА может быть установлена и документами и показаниями др. лиц. Мне ясно, что БУХАРИН и я пришли на очную ставку с совершенно различным чувством.

Лично для меня совершенно неожиданной оказалась обстановка встречи. Я никак не предполагал, что окажусь в двух шагах лицом к лицу почти со всем составом Политбюро ЦК ВКП(б). Я не в состоянии сейчас выразить (да и не знаю, не будет ли это сочтено ненужной лирикой в моих настоящих условиях), какое глубочайшее волнение испытал я, когда встретил взгляды всех сидящих за столом вождей партии. Передо мною как бы пронеслась вся моя жизнь. Около

30 лет тому назад молодым, беззаветно преданным партии человеком я встретился впервые в г. Баку с некоторыми из этих вождей (И.В.СТАЛИНЫМ, К.Е. ВОРОШИЛОВЫМ), около 25 лет тому назад я работал под руководством В.М.МОЛОТОВА в старой "Правде". И вот такая печальная трагическая для меня встреча в 1936 году. Половину своей взрослой сознательной жизни я собственными руками бросил в троцкистскую помойку и вот теперь стою перед ними в таком позорном, ужасном состоянии, в качестве контрреволюционера, участника гнусной террористической организации.

Прошу Вас понять, тов. Народный Комиссар, что наряду и одновременно с очной ставкой с БУХАРИНЫМ, я в эти минуты и часы переживал самую страшную очную ставку с самим собой. Более глубокого волнения, более сурового беспощадного суда над собой я не могу себе представить.

В этом-то душевном состоянии, полный решимости говорить перед такой коллегией только правду, я услышал наглое, блудливое, беспардонное отрицание БУХАРИНЫМ решительно всех фактов нашей с ним связи по к.-р. организации.

БУХАРИН на очной ставке начал с дешевого провинциального театрального эффекта: "Посмотри мне в глаза!". Я молча повернулся к нему лицом. Я уже хотел сказать ему то, что рвалось у меня с языка: "Николай Иванович! Ну, что мне твои глаза, блудливые, и мутные, когда я с болью и мукой смотрю сейчас виновными глазами в глаза любимейших вождей народа, против которых мы замыслили. Что мне твои глаза?! В твои глаза без галош нельзя погружаться — так они теперь мутны и грязны. Подумаешь — глаза БУХАРИНА"!....

Но мне казалось непристойным опускаться до перебранки с БУХАРИНЫМ в этой аудитории и в такие трагические минуты моей жизни. По той же причине я не мог отвечать БУХАРИНУ на его базарно-кабацкие ругательства. Не ругательства его возмущали меня, а то, как он выкрикивал фразы о своей стопроцентной партийной честности. Он вызывал во мне-тоже достаточно гнетном человеке-глубокое отвращение и вступать с ним в обмен бранными выражениями я не мог и не хотел. В этом зале и в присутствии таких людей это было немыслимо.

В конце концов я себе не представляю, как же БУХАРИН об'яснит: чем заполнены были наши с ним многочасовые беседы весной 1935 года в его редакторском кабинете в "Известиях"? Не хотел ли он изобразить их деловыми служебными разговорами редактора с одним из подчиненных ему сотрудников? Но это способно вызвать только улыбку. Уже на первой очной ставке в ЦК (7 декабря) БУХАРИН вынужден был признать, что он неоднократно изливал мне жалобы на свою "горькую долю".

Это вызвало ироническую и вместе возмущенную реплику Л.М. КАГАНОВИЧА: " Кому вы, кандидат в члены ЦК, нашли нужным изливаться!"...

Пусть БУХАРИН попробует назвать фамилии сотрудников, с кем он (кроме меня) вел бы подобные "душевные" разговоры с жалобами на то, что его жмут, "клянут" (он выражался совсем неудобопечатными словами). Это ведь легко будет проверить их опросом. Зная редакционную обстановку, я утверждаю, что таких интимных излияний с другими БУХАРИН позволить себе не мог. Разве что с РАДЕКОМ - и только.

Десять лет назад мы с БУХАРИНЫМ работали в редакции "Правды". Отношения наши были у нас и тогда отличные. Но что-то БУХАРИН в те времена отнюдь не пускался со мною в откровенные излияния. Дело об'яснялось просто: мы были в разных лагерях. Я был троцкистом, он-членом Политбюро, врагом троцкизма. Теперь мы очутились в одном лагере. Отсюда и откровенные излияния.

О жалобах БУХАРИНА я упоминаю не случайно. С его горьких жалоб, с его недовольства отношением к нему партии и ЦК начинались все наши разговоры. Этот тон недовольства, ропота подготовлял переход к откровенным разговорам к.-р. свойства.

Я показал на следствии, что мои организационные отношения с БУХАРИНЫМ оформились лишь после того, как я прошел "через РАДЕКА". Но я считаю вполне вероятным, что и помимо РАДЕКА мы с БУХАРИНЫМ неминуемо договорились бы до конца. Его откровенные жалобные излияния к этому вполне располагали. Становилось ясно, что БУХАРИН занимает особую (и, конечно, враждебную партии) позицию, что он является как бы "стороной", находящейся в борьбе.

С этого собственно и начались наши откровенные разговоры. Пусть попробует БУХАРИН отрицать, что однажды после его жалобных излияний я задал ему несколько ошеломивший его вопрос: "А разве у ЦК нет оснований относиться к тебе с подозрением, клеветать" тебя? БУХАРИН смутился, пристально посмотрел мне в глаза: "на что ты намекаешь?" Я ему прямо сказал, что я от Карлуши (т.е. РАДЕКА) знаю о его политической жизни и маскироваться ему передо мной нет смысла.

С этого момента разговор пошел на-чистоту. И первой темой был террор, обоснование его применения.

В значительной мере БУХАРИН мне повторил то, что я уже слышал перед тем от РАДЕКА. Но вот особенно запомнившиеся мне пункты беседы.

Во-первых, именно от БУХАРИНА я услышал подробное изложение Рютинской платформы. Я с ней был совсем незнаком, ибо находился в те годы в строгой изоляции.

БУХАРИН охарактеризовал эту платформу, как преимущественно связанную с нынешней платформой к.-р. блока, он подробно изложил мне ее суть и подчеркнул, что хотя слово "террор" в ней не упомянуто, но идея насильственного устранения Сталина развита совершенно отчетливо, резко. Это я узнал впервые от БУХАРИНА.

Далее, особенно запонилось мне в этом разговоре то место, где БУХАРИН доказывал, что мы, троцкисты, фактически подготовляли террор, когда даже не произносили этого слова, т.е. когда бешено старались дискредитировать Сталина, сеяли убеждение, что без устранения Сталина невозможно выправить политику партии.

Как может БУХАРИН отпереться от такой яркой, врезавшейся мне в память фразы:

... "Террор начинается не тогда, когда заряжают револьвер, а когда готовят психологическую атмосферу для устранения Сталина, а этим вы, троцкисты, занимались еще 10 лет назад и даже больше"...

Конечно, на наши беседы не приглашалась стенографистка и я не брал с собой нотариуса. Но думает ли БУХАРИН всерьез и долго отшпираться от своих разговоров, только потому, что велись они наедине? А как же иначе ведутся конспиративные к.-р. разговоры.

Тема о терроре была первой, которую мы обсуждали. Для меня она была еще новой, ибо только незадолго перед тем меня посвятил РАДЕК в основные пункты платформы блока. Поэтому этой теме было посвящено в наших беседах не мало времени.

Столь же новым для меня оказался пункт о переходе блока троцкистов с правыми к экономическому вредительству. Здесь я от БУХАРИНА узнал много интересного. РАДЕК, довольно далеко стоявший от промышленности, мог мне сообщить лишь самые общие соображения.

БУХАРИН же, как экономист, знал этот вопрос гораздо основательнее. Тем более, что до перехода в "Известия", он провел несколько лет в аппарате НКТПрома.

БУХАРИН с особым удовлетворением говорил мне, что хотя он и не занимал чисто административных постов в самой промышленности, но имел возможность вникнуть очень глубоко в самые важные узловые проблемы промышленности.

На вид, — говорил БУХАРИН, — это самые побочные второстепенные отрасли аппарата: техпроп и научно-исследовательский сектор НКТПрома. Но они ценны тем, что оттуда можно "сунуть нос" в любую отрасль промышленности, в любое предприятие и знать не только сегодняшний день, но и завтрашний, оттуда можно прощупать все — "узкие" и больные места.

Обильно иллюстрируя свои мысли фактами и примерами, БУХАРИН, между прочим, указывал, что топливные отрасли и коксо-химия являются сейчас наиболее чувствительными местами. И именно в них, по его сведениям, успешно разворачивалась вредительская работа нашего к.-р. блока. БУХАРИН знал, что руководит этой работой ПЯТАКОВ и упоминал об этом в разговоре.

Мне трудно понять, на что рассчитывает БУХАРИН, огульно отрицая наши с ним разговоры по данным вопросам?

Особенно оживленно обсуждали мы с ним вопрос о кадрах. Здесь разговор временами принимал форму дружеской полемики.

БУХАРИН как бы подтрунивал, что мы, троцкисты, своей тактикой провалили все свои кадры. Собрание подписей, открытые выступления в дискуссиях почти на всех ячейках. Толку - мало, а в результате чуть не все наперечет кадры выдали с головой органам НКВД. Теперь у вас (троцкистов) осталось ничтожно мало сохранившихся людей.

На это я отвечал, что нельзя задним числом теперь порицать тактику прежних лет. Тому времени соответствовала иная тактика, чем теперь. Но ведь и его, БУХАРИНА, кадры столь же основательно пострадали, хотя и не придерживались троцкистской тактики.

БУХАРИН заявил, что это - не совсем так. Правда, пострадала основательно та группа, что работала на теоретическом фронте (так называемая "бухаринская школа"). Но она вообще была немногочисленна. Пострадала, пожалуй, группа ТОМСКОГО, поскольку все эти профсоюзники выступали открыто. Но зато основное ядро правых сохранилось. Движение правых было известно только по именам вожаков (БУХАРИН, РЫКОВ, ТОМСКИЙ).

Поскольку же ни в какие открытые дискуссии основные кадры правых не вступали, они и не попали на учет НКВД. В свое время они себя проявят.

БУХАРИН особо подчеркнул, что помимо заведомых единомышленников имеются еще элементы сочувствующие и выжидающие, как развернутся дальнейшие события. Он указал, что немало таких элементов насчитывается в земельных и кооперативных органах.

Внешне беседа в этой части временами принимала характер дружеского "препирательства". Собеседники точно старались друг перед другом выставить каждый в более солидном виде "приданое" (с каким пришел в блок).

Беседу эту я помню так ярко, что на очной ставке смогу БУХАРИНУ пред'явить даже отдельные его и мои фразы в точности.

Если он и здесь будет все отрицать огулом — тем хуже для него. Тактика "Ивана-Непомнящего" не укроет его от ответственности.

По сравнению с этими разговорами, которые упорно и лживо отрицает теперь БУХАРИН, конечно, второстепенный интерес имеют его лживые утверждения на очной ставке. Однако, изобличение его во лжи (пуская по второстепенным сравнительно пунктам) покажет, что БУХАРИН бесповоротно избрал путь лжи, путь обмана и уверток до конца.

Что бы не затруднять вашего внимания сравнительно мелкими обстоятельствами дела, я прошу вас поручить проверку следующих фактов:

1. БУХАРИН заявлял, на очной ставке, что он обратился к тов. СТАЛИНУ за разрешением принять меня в "Известия", лишь после того, как в протоколах Политбюро прочел о моем восстановлении в партии.

Это — ложь. Справка в протоколах П.Б. покажет, что я принят в партию лишь летом 1935г. Справка конторы "Известий" покажет, что я поступил туда осенью 1934г., т.е. за 8 месяц. до приема в партию. Очевидно, БУХАРИН допустил ту же ложь и в разговоре обо мне с т. СТАЛИНЫМ в Сочи, осенью 1934г.

2. Чтобы подвести хоть тень мотивировки под свою версию о моем "оговоре". БУХАРИН на очной ставке заявил, что я показал себя злобным и мстительным в отношении сотрудницы "Известий" (речь шла о коммунистке СОЛОДКОВОЙ), которая - да не предоставила мне дачу.

Это - ложь. Прошу опросить и СОЛОДКОВУ, и присутствовавших на том партсобрании Я. ФИНА, Л. ЛЯМА. Они подтвердят, что, наоборот, именно я отнесся к СОЛОДКОВОЙ по-товарищески и добровольно предложил ей свою помощь в литературной учебе (на отсутствие этой помощи со стороны редакции она горько жаловалась в своем "самоотчете"). Кроме меня никто не выразил готовности помочь ей.

3. Там же БУХАРИН в подтверждение своего "тезиса", что он - жертва оговора, причину моего "оговора" объяснил тем, что он - БУХАРИН отказался со мной разговаривать в редакции 13 октября (о его отказе гласит сохранившаяся у меня случайная записочка БУХАРИНА: "Сейчас нет предмета для разговора").

Опровергать этот тезис БУХАРИНА просто смешно: за отказ поговорить никто не возводит оговора в чудовищных преступлениях. Суть в том, что БУХАРИН на очной ставке в ЦК заявил, что будто эту самую ответную записочку мне он предварительно согласовал с Б.М. ТАЛЕМ.

Это - ложь. Не трудно установить, что в момент нашего с БУХАРИНЫМ обмена записочками (12 ч. ночи 13-го октября) Б.М. ТАЛЯ в редакции не было. Я был им вызван в редакцию к 12 час., но т. ТАЛЬ где-то задержала и я, не дождавшись его до 2 $\frac{1}{2}$ ч.

ночи, ушел домой. Именно в отсутствии т. ТАЛЯ я посылал свою записку БУХАРИНУ и получил его ответ. Я отлично видел, как через пустой кабинет ТАЛЯ секретараша ходила к БУХАРИНУ с моей запиской и ко мне с ответом БУХАРИНА. Свидание мое с ТАЛЕМ состоялось только на другой день там же.

Ложь БУХАРИНА имеет целью прикрыть его авторитетом т. ТАЛЯ. Между тем, т. ТАЛЬ в тот момент мог и не знать, каковы были наши настоящие связи с БУХАРИНЫМ.

Записка же БУХАРИНА имела только один смысл (понятный только мне и ему): раз я уже попал под удар, БУХАРИН от меня отмежевывается и я это должен учесть на случай моего ареста. У нас с БУХАРИНЫМ были только служебные деловые связи, которые и ликвидировались с момента моего увольнения: " сейчас предмета для разговора нет". Если бы я избрал, подобно БУХАРИНУ, путь запирательства и обмана, я бы ,конечно, принял к сведению его записочку директивного порядка и постарался бы БУХАРИНА, как одного из руководителей организации, выгораживать всеми силами, в том числе используя и эту записочку, как доказательство чисто официальных служебных моих отношений с БУХАРИНЫМ.

Но я с первого дня следствия твердо решил чистосердечно и правдиво дать показания как о себе, так и о всех тех, чья деятельность мне известна.

Именно поэтому, ввиду возмущающего меня упорного и наглого запирательства БУХАРИНА, осмелившегося даже в присутствии членов Политбюро все отрицать и громоздить новую ложь, прошу Вас тов. Народный Комиссар, принять все меры к тому, чтобы я имел возможность изобличить БУХАРИНА в его преступной деятельности

13

и наглом обмане органов следствия и партии. Я готов нести свою долю ответственности и настаиваю, чтобы и БУХАРИН полностью ответил перед судом за все то, в чем он виновен.

На очной ставке мне был задан ряд вопросов, на которые я ответил откровенно, но слишком лаконично (по причинам, которые я указал выше). В какой мере искренне были такие мои документы, как обращение в ЦК из Томска в 1934г. и телеграмма из Нальчика (23 августа 1936г.)?

Мое обращение в ЦК из Томска было в большей мере искренним. Я, действительно, пункт за пунктом пересмотрел в свете происшедших в стране перемен, все прежние троцкистские возражения против политики партии в основных вопросах. Насколько я мог судить (в условиях строгой изоляции от жизни) по печати, троцкистская карта была бита. Это я и сказал в своем заявлении вполне искренне. Мне нечего было защищать из троцкистской платформы, растоптанной жизнью. Но мне хотелось убедиться во всем этом своими глазами " взять на зуб" (если так можно выразиться) то, от чего я был отрезан долгое время. Особенно неясны были мне вопросу внутрипартийной демократии. А это как раз то, что однажды привело меня к оппозиции.

То, что я увидел во время поездок по стране, подтвердило мне, что троцкистская карта бита. И если бы не инерция подполья, не восстановление старых троцкистских связей, то я несомненно залечил бы полностью троцкистские рубцы и вжился бы в партию органически.

В августе, в дни, когда я читал (в отпуску) газетные отчеты о суде над террористами (КАМЕНЕВ, ЗИНОВЬЕВ и др.) я пережил

глубочайшее потрясение. Моя телеграмма на имя тов. СТАЛИНА из Нальчика была искренним движением сердца и разума, хотя писать надо было не так, а с полным раскаянием. Меня захлестывала со всех сторон стихия никогда еще невиданного сплошного негодования против подсудимых. Все, кого я встречал, говорили о них с яростью, со скрежетом зубным.

Но психологически самым мощным воздействием на меня в те дни было — видеть переживания моего сына и моей жены. Вместе со всем народом они глубоко переживали возмущение, ненависть к подсудимым и ждали беспощадного приговора.

Я почувствовал, в какую страшную пропасть завлекла дьявольская логика истории тех, кто однажды сошел с пути ЛЕНИНА-СТАЛИНА и пошел за Троцким.

В этом состоянии я и написал тов. СТАЛИНУ телеграмму, в которой, между прочим, напоминал ему о предостережении, которое он мне сделал еще в 1921 году.

Телеграмма говорила не то и не так, но она была поистине воплем моей души: я проклинал и Троцкого, и сове троцкистское прошлое, но о своем настоящем и о своих связях с террористами я не сказал и говорю теперь.

Вот почему на вопрос тов. ОРДЖОНИКИДЗЕ (7/XII- в ЦК): "А теперь вы за партию?" — я ответил с полной искренностью: Да, я за партию! Другого ответа у меня нет. Не мне судить, в какой степени я могу теперь рассчитывать на доверие.

Л. СОСНОВСКИЙ.

15